

Александр Амфитеатров

Французская барышня

Александр Амфитеатров

Французская барышня

«Public Domain»

1905

Амфитеатров А. В.

Французская барышня / А. В. Амфитеатров — «Public Domain», 1905 — (Женское нестроение)

ISBN 978-5-457-13548-2

«Талантливый, хотя порою черезчур парадоксальный, литературный отшельник Реми де-Гурмонь, равно изв#стный теперь какъ поэтъ, романистъ, философъ, а всего удачн#е и глубже — какъ критикъ, посвятилъ одну изъ удачн#йшихъ статей своего превосходнаго сборника «Le Chemin de Velours» изсл#дованію типа современной французской «барышни», то есть молодой д#вушки въ образованныхъ и зажиточныхъ классахъ общества, созданныхъ и охраняемыхъ буржуазною культурою минувшаго в#ка. Фактическимъ источникомъ и фундаментомъ этому блестящему этюду, не лишенному недостатковъ слишкомъ широкаго сатирическаго обобщенія, но въ ц#ломъ полному правды и тонкаго, инстинктивнаго чутья, послужилъ солидный томъ Оливье де-Тревиля: “Наши д#вушки въ собственныхъ признаніяхъ” (Les Jeunes Filles peintes par elles-mêmes) ...» Произведение дается в дореформенном алфавите.

ISBN 978-5-457-13548-2

© Амфитеатров А. В., 1905
© Public Domain, 1905

Александр Валентинович Амфитеатров Французская барышня

Талантливый, хотя порою черезчур парадоксальный, литературный отшельник Реми де-Гурмонь, равно изв#стный теперь какъ поэтъ, романистъ, философъ, а всего удачн#е и глубже – какъ критикъ, посвятилъ одну изъ удачн#йшихъ статей своего превосходнаго сборника «Le Chemin de Velours» изсл#дованію типа современной французской «барышни», то есть молодой д#вушки въ образованныхъ и зажиточныхъ классахъ общества, созданныхъ и охраняемыхъ буржуазною культурою минувшаго в#ка. Фактическимъ источникомъ и фундаментомъ этому блестящему этюду, не лишенному недостатковъ слишкомъ широкаго сатирическаго обобщенія, но въ ц#ломъ полному правды и тонкаго, инстинктивнаго чутья, послужилъ солидный томъ Оливье де-Тревия: «Наши д#вушки въ собственныхъ признаніяхъ» (Les Jeunes Filles peintes par elles-mêmes). Пользуясь матеріаломъ двухъ тысячъ шести опросовъ Тревиля, котораго онъ остроумно называетъ «Донъ-Жуаномъ анкеты», Реми де-Гурмонъ написалъ весьма неут#шительную картину французскаго «женскаго нестроенія» въ томъ раннемъ и подготовительномъ, коренномъ фазис# его, что обусловленъ вліянiями школы, домашняго воспитанія и литературы.

По в#рному историческому наблюденію Реми де-Гурмона, французская «барышня» («la jeune fille» – въ кавычкахъ) – типъ сравнительно недавній: ему едва минуло сто л#тъ. До великой революціи «барышень» не было. Были д#вчонки, отроковицы (fillettes), жившія на д#тскомъ положеніи до наступленія половой зр#лости. И были молодые дамы, вышедшія замужъ четырнадцати, пятнадцати л#тъ. Того промежуточнаго, вн#замужняго состоянія, которое выражаетъ собою слово «барышня» и которое часто тянется десять и бол#е л#тъ, – состоянія, такъ сказать, «длящейся нев#сты», – XVIII в#къ не зналъ. Конечно, и тогда не вс# д#вственницы рано находили жениховъ, и многія подолгу ожидали замужества. Но, по литератур# и историческимъ памятникамъ стараго режима, очень зам#тно, что между такою, «засид#вшеюся въ д#вкахъ», особливо л#тъ 18–30 и молодою замужнею дамою въ дореволюціонномъ обществ# не было той глубокой разницы быта и нравовъ, какую выростилъ XIX в#къ. Лишенная по какой-либо причин# брачныхъ узъ, взрослая д#вушка пользовалась довольно широкою свободою вн# ихъ, и «д#вичьи гр#шки», въ эпоху регентства и Людовика XV, не возбуждали ни общественнаго изумленія, ни, т#мъ бол#е, негодованія. Донъ-Жуанъ XVIII в#ка – поб#дитель, по преимуществу, д#вичьихъ сердець, соблазнитель и погубитель д#вушекъ брачнаго возраста. Реми де-Гурмонъ справедливо зам#чаетъ, что въ нашъ в#къ пресловутый Казанова покорялъ бы только замужнихъ дамъ; ищущихъ приключеній адюльтера, развеселыхъ вдовиць, да продажныхъ женщинъ: современная французская барышня ограждена отъ подобныхъ господъ надежной ст#ною личной и общественной морали. Сто л#тъ назадъ было иначе. Въ дополненіе къ хвастливымъ анекдотамъ Казановы, Restif de la Bretonne оставилъ намъ характеристику той же легкой доступности для д#вушекъ среднихъ классовъ общества, Laclos – для барышень придворной аристократіи. Паденіе д#вушки разсматривалось XVIII в#комъ, какъ неизб#жная уступка непоб#димой природ#. Уклониться отъ роковаго закона почитали возможнымъ лишь компромиссомъ ранняго брака, то есть – не давая женщин# времени быть «барышнею», переводя ее прямо отъ куколъ въ объятія законнаго супруга.

Въ психологіи раннихъ браковъ стараго режима явственнo опред#ляются два р#шающихъ мотива: со стороны родителей – желаніе поскор#е отд#латься отъ обузы опекать доброд#тель дочери, со стороны жениховъ – желаніе обезпечить продленіе своего рода двумя, тремя первыми д#тьми несомн#нно законнаго происхожденія. Къ двадцати двумъ или тремъ годамъ роль замужней женщины, какъ производительницы рода, уже кончалась, и охлад#в-

шие супруги начинали жить каждый своею личною жизнью. Женщин XVIII в#ка не оставляли права выбирать мужа, – зато она впоследствии выбирала себе любовника. На долю супружества доставалась пассивная чувственность только что не малолетней самки, на долю внебрачной связи – сознательная страсть созревшей жещины, в самом счастливом и разумном возрасте, когда прелесть красиваго чувства любви говорить в человеке# гораздо громче грубой половой потребности. Отсюда истекали одновременно и поразительная легкость нравов старинной французской семьи, и та изящная, то рыцарская, то пастушеская, sentimentalность, в которую эта легкость нравов облекалась.

За столетие, отделяющих нас от тех времен, не только бытовые условия, но и самое чувство стыда у французской жещины изменило свой характер очень резко и глубокою эволюцией. Люди лет пятидесяти-шестидесяти помнят еще, из своих юношеских дней, величественных старух, которые родились в двух последних десятилетиях XVIII в. или в первом десятилетии в#ка XIX и выходили замуж по пятнадцатому, шестнадцатому году. Они вспоминали детство, вспоминали впечатления супружества, но воспоминаний о девической юности, воспоминаний «барышни», у них не было. Не было у старух и того особого специального стыда, который характеризует и наполняет переходный добрачный возраст современной женщины условною добродетелью житейскаго неведения. Они хорошо понимали стыд того или другого детского порока, чутко воспринимали мотивы, вызывающие стыд у замужней женщины, но тот слепой «стыд знать стыдное», что ныне почитается величайшим достоинством хорошо воспитанной «барышни», оставался им чужд и незнаком: этим бабушкам казались смешными и жалкими кривляками двадцатилетняя внучка, цинично краснвившая от безцеремонных анекдотов и откровенностей беранжеровских старушек, с их допотопно наивною манерою называть вещи своими именами.

Итак, тип «барышни», исторически – прежде всего, результат поздних браков, введенных в необходимость изменившимися экономическими условиями французскаго быта после революции. Его вызвала к жизни ликвидация наследственной дворянской собственности, упрочило и выростило торжество благоприобретенных буржуазных капиталов. Рождение типа можно определить хронологически с большою точностью. В 1798 году Демуте издает книгу для девиц – «Письма к Эмили о мифологии», в 1809 году выходят в свет «Сказки для моей дочери» Буйльи. Между двумя этими произведениями, обращенными, на расстоянии всего одиннадцати лет, к одному и тому же возрасту – непроходимая нравственная пропасть. Демуте говорит еще с молодою девушкою старого режима – юным существом, предназначенным волею всемогущей природы к восторгам любви и жизнерадости. Книгу Демуте нельзя дать в руки современной «барышни»: ей лукавое, веселое, животное, почти языческое мирозерцание – школа sentimentalнаго сладострастия, – может быть, пригодная, в своем роде, для женскаго поколения, переходившаго непосредственно из детской комнаты в супружескую спальню, но совсем неудобная для поколения, которому, в ожидании брака, надо цинично заглушать в себе голос инстинкта в течение трех, пяти, семи, десяти и более лет. Буйльи, Жанлис и прочие авторы для юношества в первую четверть XIX в. направляют всю свою деятельность, чтобы притупить инстинкт в его прямых, натуральных требованиях, с помощью их идеалистическими суррогатами эфирной мечтательности, красивой sentimentalности, отвлеченных порывов в неизведанное, с суровым противодвижением им обновленными мотивами, заимствованными из прописей, забвенной было аскетической морали: покорность Провидению, скромность, послушание, чувство долга и пр. Таким образом, дата рождения «барышни» падает для Франции, а следовательно и для всех европейских стран, отражавших ее культурную эволюцию, на первое десятилетие XIX в#ка. У нас, русских, в это время Наташ Ростовой было 7–9 лет, Татьяна Ларина только что

родилась, будущія жены декабристовъ – «Русскія женщины» – едва ум#ли лепетать и ходили п#шкомъ подъ столъ, а В#ра и княжна Мэри еще не начинались. Сопоставляя съ этими литературными образами первыхъ русскихъ «барышень» Софью изъ «Горе отъ ума», которая значительно старше яхъ вс#хъ, нельзя не уб#диться и по роднымъ прим#рамъ, что хронологія Реми де-Гурмона построена остроумно и основательно: Татьяна, «Русскія женщины», – это уже будущій XIX в#къ, воспитанницы Буйльи, тогда какъ «дочь! Софья Павловна, срамница!» – вся еще въ прошломъ восемнадцатомъ, – ученица Демутье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.